

ПРОБЛЕМЫ ЭТИКИ ТЕХНОНАУКИ В ТРУДАХ Э. АГАЦЦИ

© 2016

М.И. Фролова

Эвандро Агацци — один из известных в России современных зарубежных философов. Впервые одна из его статей была опубликована в “Вопросах философии” еще в 1980 году. В 1987 году по приглашению И.Т. Фролова Э. Агацци участвовал в проходившем в Москве VIII Международном конгрессе по логике, методологии и философии науки. Вместе с Б.Г. Юдиным и другими специалистами он выступал в секции этики науки, которая специально была организована тогда И.Т. Фроловым. Длительное время Агацци занимал руководящие позиции в Международной федерации философских обществ. Благодаря его поддержке было подтверждено решение МФФО о проведении в 1993 году XIX Всемирного философского конгресса в Москве. Ученый на этом Конгрессе выступил с пленарным докладом. После он неоднократно посещал нашу страну. Весной 2009 года выступал с докладом об этике технонауки в Институте философии РАН.

Проблемы этики науки и технонауки — наиболее интересная и актуальная часть творчества Э. Агацци. Во многом его идеи перекликаются с теми, что развивались в нашей философии со второй половины 1980-х годов в рамках направления комплексного исследования человека и в отечественной биоэтике.

Идеи Э. Агацци по вопросам этики науки получили широкую известность в нашей стране благодаря его пленарному докладу на XVIII Всемирном философском конгрессе в Брайтоне в 1988 году. Доклад был напечатан в журнале “Вопросы философии”, а затем в сборниках “О человеческом в человеке” (1991) и “Философия и человек” (1993). В этом докладе ученый обращает внимание на то, что философия формирует идеал человека, который направляет любое человеческое действие, в том числе и познавательное. Определенная концепция человека лежит в основаниях любой научной теории. Агацци стоит на той позиции, что в каждой науке есть уровень проблем, ко-

**МЕРА ВСЕХ
НАУК**

**Фролова
Мария
Ивановна** —
независимый
исследователь.
Постоянный автор
журнала. E-mail:
mariafrolova@
yandex.ru

МЕРА ВСЕХ НАУК

XVIII Всемирный философский конгресс. Брайтон, 1988. Э. Агацци — слева на заднем плане

торый не может быть разрешен усилиями самой науки и требует обращения к философии.

В особенности это касается наук, изучающих человека. Э. Агацци обращает внимание на то, что во всяком человеческом действии присутствует элемент должного, идеального образца, который и направляет действие. Наука не может опираться лишь на саму себя, исследуя человеческое бытие, считает философ. Вне этого обстоятельства нельзя определить научный статус наук о человеке, таких, которые изучают человека *как человека*. “Дело обстоит именно так, а не иначе, — постулирует Э. Агацци, — поскольку научная деятельность — род человеческой деятельности, и в этом своем статусе она не может не ориентироваться на ценности” [1, с. 72].

В докладе Агацци подчеркивал, что вопросы ценностных предпочтений “подлежат рациональному исследованию, хотя и выходят за рамки того, что может дать научное исследование” [там же, с. 77]. Выводы справедливы, по крайней мере, применительно к наукам о человеке. Успехи этих наук в изучении человека, по справедливой оценке Э. Агацци, еще больше подчеркивают значение философии человека. Науки о человеке “обязаны”, по его словам, принимать во внимание в ходе познания ценности, которые, в свою очередь, находят выражение в законах, правилах и нормах.

Научным будет, согласно Э. Агацци, такое исследование человека, которое выявляет, “какие ценности данного сообщества или данного индивида направляют данные действия или являются источником правил и норм их осуществления” [там же, с. 73]. Этим современная гуманистическая философия отличается от позитивистских и сциентистских подходов, для кото-

рых все, что не подлежит анализу с помощью инструментария науки, должно быть отнесено к сфере эмоций.

Путь, которым следует работать с ценностями, — это, по Агацци, рефлексивная концептуализация комплексных фактов и ситуаций (свободы, ответственности, интенциональности и пр.), не выводимых непосредственно из опыта.

С точки зрения классической гносеологии, подобный способ мышления представляется “субъективным” и потому непригодным. Но научная объективность есть всего лишь интерсубъективность, опирающаяся на целый ряд неявных допущений и предпосылок. Ведь научное знание, в конечном счете, зависит от познающего субъекта и, тем самым, подлежит обособлению.

Между тем философские методы “имеют целью достижение уровня объективности более глубокой и более радикальной” [там же, с. 78]. Они применимы не только к исследованию человека, но и к познанию природы, хотя здесь их возможности ограничены только интерпретацией той реальности, которая создается средствами науки. Но в исследовании человека, подчеркивает Э. Агацци, они имеют особое значение, ибо это исследование не может вестись в соответствии с классическими идеалами элиминации субъекта. В субъектности заключается специфика человека. Изучение человека, игнорирующее его субъектность, устраняет свой предмет и не может быть признано адекватным, подытоживает он.

Созерцательная гносеология Нового времени, разумеется, исключала саму постановку подобных вопросов. Наука становится подвластной этике, если понимается не как чисто познавательный акт, а как социальная человеческая деятельность. В этом идеи Агацци были созвучны идеям И.Т. Фролова, также выступавшего на Брайтонском конгрессе с пленарным докладом. И.Т. Фролов говорил о постепенном становлении нового типа науки, обеспечивающего синтез науки и гуманизма. “Есть основания полагать, — отмечал он, — что сейчас формируется новый тип науки, все активнее обращающийся непосредственно к человеку, тесно соединяющийся с практикой, социально-этическими нормами, культурой как целым” [12, с. 132]. Здесь очевидна близость идейной направленности видных философов России и Европы.

Например, американский философ Хью Лэйси, специально исследовавший вопрос о соотношении ценностей и научного понимания, показывает, что хотя когнитивные ценности (беспристрастность и пр.) удостоверяют истинность результатов познания, сами по себе они еще не задают направления научного исследования. Практика познания включает выбор познавательных стратегий, а на их принятие оказывают влияние моральные и социальные ценности, а не только чисто когнитивные факторы. Мы принимаем теорию, соотнося ее с когнитивными ценностями, но получена она в результате

применения методологических стратегий, имеющих социальную обусловленность. Х. Лэйси делает вывод, что “ценности “пропитывают” и должны “пропитывать” формы научной практики, а также в значительной степени определяют выбор направления исследований и область возможностей, которые должны быть вскрыты и объяснены теориями” [9, с. 331]. Социальные сдвиги приводят через ряд опосредствований к утверждению новых когнитивных ценностей.

Разумеется, не все и на Западе, и у нас придерживались подобных позиций. Например, Е.А. Мамчур считает, что не следует смешивать этическую релевантность познавательной деятельности ученого с этической нагруженностью его деятельности как члена социума [10]. Сами по себе процесс научного познания и когнитивная деятельность ученого (особенно если речь идет о фундаментальном естествознании) остаются этически нейтральными, полагает Е.А. Мамчур. При этом ученый не может уклониться от ответственности за то, как полученное им знание будет применяться в обществе. Последнее, однако, касается ученого как члена социума и не имеет отношения к его исследовательской деятельности. Единственное назначение, которое имеет в культуре фундаментальная наука, состоит в том, что она добывает объективно истинное знание о мире. Других целей у науки нет. На теоретической стадии исследование должно быть этически нейтральным. Ученый устанавливает научный факт, а как им распорядится общество — другой вопрос, не имеющий отношения к теоретической деятельности по открытию этого факта.

Позиция Е.А. Мамчур основывается на приверженности идущему от Канта подразделению на теоретический и практический разум — в данном случае трансформированному в идею о том, что познавательная и социальная деятельность ученого — по сути два различных вида деятельности. В этой связи можно заметить, что само указанное противопоставление имеет в своей основе определенную философскую позицию, а она не является безусловной. Само ее появление в истории философии было связано с трудностями, которые обнаружили при реализации когнитивной программы новоевропейской науки и философии. Кроме того, если проблематизировать понятие факта, учесть роль концептуальной нагруженности в процессе установления фактов, то столь строгое разграничение между видами деятельности будет трудно провести последовательно.

Противоречие, от которого данная позиция не может избавиться, в том, что когнитивные ценности, регулирующие поиск истины, — это тоже ценности. Само их формулирование стало результатом социокультурных сдвигов, породивших новоевропейскую цивилизацию, и непонятно, почему возникнув, эти ценности должны стать полностью неподвластными социокультурным влияниям, которые вовсе не тождест-

Э. Агацци

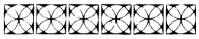
венны субъективизму и релятивизму. Поэтому нельзя согласиться с аргументом, что аксиологический подход субъективизирует ценности.

Дальнейшее развитие и всестороннюю проработку идеи Э. Агацци о соотношении познания и ценностей в век технонауки получили в книге “Моральное измерение науки и техники” [2].

Основная мысль, которую проводит Агацци в книге, — это разграничение между познавательной свободой науки как знания и наукой как видом человеческой деятельности. Соответственно, в первом аспекте наука не должна быть ничем ограничена, а во втором наука подпадает не только под правовые, но и под моральные ограничения. Нетрудно увидеть, что данная позиция существенно отличается от традиционной позиции сторонников ценностной нейтральности науки. В их случае разграничивается научная деятельность и использование ее результатов. Позиция Агацци представляет собой явный шаг вперед по пути учета ценностного измерения процесса познания.

Но проблема заключается в том, что в современной технонауке, практику которой как раз и анализирует Агацци, сложно отделить познавательный аспект от аспекта деятельности. Ценностное измерение здесь получает не только выбор ученым средств познания, но и постановка им целей познания.

Вот, в общих чертах, тот круг проблем, который обсуждает Агацци. Философ выступает против понимания объективности науки через нейтрализацию субъектности ученого, так как подобная деперсонализация ученого заведомо освобождает его от

всякой ответственности. Объективность познания проистекает из соблюдения соответствующих операций и процедур. Но поскольку операции и процедуры — вид деятельности, на них распространяется оценка на основе ценностей. Вместе с тем, Агацци считает важным отстоять сферу чистого исследования, основанного на стремлении к знанию как таковому.

Противоречивость своей позиции Агацци пытается снять, вводя тезис о росте ответственности научных коллективов и отдельных ученых. Он следующим образом аргументирует тезис: “Если бы научное сообщество отказалось участвовать в недолжном применении науки, то оно было бы невозможно, поскольку сегодня его способны обеспечить только ученые” [там же, с. 45]. Вывод Агацци открывает широкие перспективы практике добровольных мораториев ученых на те или иные виды исследований, начало которой было положено мораторием 1975 году на некоторые виды генетических исследований, принятым на конференции в г. Асиломаре (США).

Агацци упорно ищет причины, порождающие логику технократизма: использовать все научно-технические возможности, даже если может возникнуть угроза безопасности и здоровью человека. Он не решается сделать вывод о рыночной природе технократической гонки, хотя осознает саму проблему и пытается искать средства ее решения в сфере этического контроля.

Ученый следующим образом формулирует основную проблему этики технонауки: “Функционирование технологической системы, по существу, индифферентно целям; когда становятся доступными определенные возможности, технология неизбежно добивается их практического использования; для нее характерна тенденция использовать всякую возможность” [там же, с. 90]. Возникает опасность абсолютизации технонауки, ее разрыва с нравственностью. На самом деле, “логика” эффективности еще опаснее, чем показывает это Агацци. Стремление к предельной эффективности может привести к действиям не только безнравственным, но и противоразумным, абсурдным, ибо создание продуктов, угрожающих выживанию человечества бесчеловечно как в нравственном, так и в когнитивном смысле.

Анализируя идеологии сциентизма и технологизма, Агацци показывает внутреннее несоответствие между всеобщностью идеологической формы и ограниченностью науки и технологии, которые сохраняют свою идентичность лишь в контексте определенных условий, в ограниченном тематическом горизонте. Наука и техника только тогда — наука и техника, когда применяются для решения данных задач известными методами. Поэтому идеологическая функция не совместима с сущностью науки и технологии.

Соответственно, проблема в том, что науку и технологию легко можно повернуть против человека. Идеологии сциентиз-

ма и технологизма, включающие позицию нейтральности субъекта познания, не содержат преград против подобного поворота. “Как же такая цивилизация может выражать ценности, наделять смыслом собственную историю и судьбу? — спрашивает Агацци. — Только человек может ставить цели, отстаивать ценности” [там же, с. 79]. Вместе с тем антисциентизм, по Агацци, — тупиковый путь. Современный интеллектуал должен, утверждает философ, защищать науку, борясь в то же время с идеологией технократизма. Он видит пути решения в поддержании баланса между научно-технической подсистемой и другими подсистемами общества как целого.

Агацци предлагает придерживаться следующего принципа: “Мы вправе (и даже обязаны) сосредоточиться только на человеческих аспектах деятельности и творчества человека, когда хотим изучить человеческое существо в том, что собственно делает его таковым, в том, что касается интенциональности и ценностей” [там же, с. 122]. Применение этого принципа требует пересмотра понимания объективности познания. Наступила такая стадия развития науки, когда человек изучается в собственно человеческих проявлениях. Познание человека в этом случае не достигнет идеала объективности как раз в том случае, когда будет игнорировать специфически человеческое в человеке. Агацци справедливо обращает внимание на то, что новая ситуация познания предполагает учет интенций, целей, норм и ценностей в логике научного исследования. Необходи-

**XIX Всемирный
философский
конгресс. Москва,
1993**

мы не только дескриптивные, но и предписывающие нормы. Выход за рамки традиционного понимания научности вовсе не означает выхода за границы рациональности. Поиск новых норм познания следует вести в этике и философии. Первым примером обновления логического инструментария науки в этом направлении Агацци считает концепцию идеальных типов М. Вебера.

Практическая рациональность, соответствующая новой ситуации познания, не только анализирует цели ученого, но и рассматривает средства, причем не в смысле их эффективности, а в плане соответствия гуманистическим ценностям. В этом “различении возможностей” — принципиальное различие между практической и научно-технической рациональностью [там же, с. 149–150]. Вне указанного различения “империализм” научно-технической рациональности приведет к иррационализму: “Если техническая деятельность пренебрегает этим измерением и ограничивается чистой *эффективностью*, она перестает быть человеческой деятельностью” [там же, с. 152]. Особенно важно, что Агацци распространяет принцип гуманистической оценки средств познания не только на прикладные, но и на “чистые” области познания. Ученый поднимается в своем анализе рациональности до понимания сути процессов отчуждения в современном обществе: “Технология, созданная человеком, ускользает от его контроля, поскольку человек превратил ее из человеческой деятельности в собственном смысле слова во что-то иное” [там же, с. 154].

Проанализировав проблематику этики технауки в общепhilosophическом плане, Агацци обращается непосредственно к биоэтическим проблемам. “Моральная законность манипуляции человеком в целях научного исследования давно уже является проблемой”, — констатирует он [там же, с. 173]. Агацци формулирует следующий этический принцип современного научно-технического познания: “Мы должны, во-первых, избегать действий, если можно предвидеть, что они повлекут за собой серьезные негативные последствия, и, во-вторых, пытаться по мере сил предвидеть неизбежные негативные последствия своих действий” [там же, с. 181]. Данный принцип представляется Агацци гарантией от бесплодных сожалений о том, что “лучше было бы не знать некоторых вещей”.

Приходится высказать сомнения насчет того, насколько этот принцип может быть проведен в жизнь. Первая его часть сомнений не вызывает. Но вторая трудно исполнима. Хорошо известно, что человеческая рациональность не может предусмотреть всех обстоятельств и последствий совершаемых человеком действий. В отличие от собственно природных существ, человек — существо ошибающееся. Возможно, поэтому он и стал человеком. Но он стал им естественным путем, как результат развития высшего уровня природного существования.

Достичь того же результата путем сознательного рационального конструирования — невозможно.

Позитивной стороной этико-научной и биоэтической концепции Э. Агацци является изучение им проблематики рисков. Он приходит к выводу, что оценка степени риска стала основной проблемой в моральной оценке научного исследования и его применений. Техника предназначена минимизировать риски. Но, подчас, в технонауке успех опаснее неудачи, ибо может включать непредвидимые нежелательные последствия, в том числе — отложенные во времени.

Риск означает выбор, следовательно, принятие решения на основе работы с ценностями. Заслуга Агацци в том, что он вносит ценностное измерение и в вопрос о целях, и в вопрос о средствах науки. Вопросы эффективности вторичны по отношению к вопросам этики. “Представление, будто этическое измерение можно просто оставить на заднем плане, что можно не делать его предметом осознания и собственно этического рационального анализа, указывает на глубокую недостаточность обычной установки”, — подчеркивает Агацци [там же, с. 195]. Необходимо признать обязательным включение этического измерения в экспертную оценку всякого проекта. Только тогда можно будет отказаться от конкретного проекта из-за полной или частичной моральной неприемлемости его целей и средств.

Вопросы биоэтики и гуманитарной экспертизы выводят философа на проблему качества научной информации, добросовестности в исследованиях. При оценке риска мы должны быть готовы сделать выбор в условиях неопределенности. В сложных ситуациях, по мнению Агацци, мало помогают вычисления выгод и убытков: почти всегда приходится “разрубать gordiev узел”. В этих условиях возрастает ответственность ученого за принятие решения экспертным внеученым сообществом и властью. Он должен предоставлять качественную информацию, участвовать в формулировании корректных суждений, разграничивать реальные и виртуальные риски и помогать обществу адекватно их воспринимать. Только так ученый способен помочь обществу рационально использовать технологии, избегая преувеличенных ожиданий и неоправданных страхов. В этом — ответственность современного ученого. В случае необходимости ученый должен принять самоограничение в познании. Но наложение самоограничения лишь подчеркивает свободу его выбора.

Как подлинный философ, Э. Агацци понимает, что всякая этика, в том числе и этика технонауки, опирается на философскую антропологию, философское осмысление человека. Он исходит из того, что в создании образа человека участвует не только конкретное знание, до некоторой степени разъясняющее, кто мы есть, но и ценности, формулирующие, какими мы хотим быть. Поэтому образ человека немислим без це-

лей и идеалов, которые “должен осуществить человек или человечество, чтобы достичь полного самовыражения” [там же, с. 280]. Агацци, по сути, повторил известную мысль Энгельса, которую у нас часто цитировал И.Т. Фролов: уникальность человека заключается в том, что “его нормальным состоянием является то, которое соответствует его сознанию и должно быть создано им самим” [11, с. 510; 13, с. 65]. Развивая эти идеи, Агацци справедливо пишет о том, что человеческая природа “есть скорее задача, которая должна быть выполнена, нежели нечто данное... В этом смысле она есть образ человека, который постоянно направляет моральные действия и определяет позиции индивида и сообщества, поскольку включает в себя цели и ценности, которые должны характеризовать подлинную человеческую жизнь” [2, с. 280]. Агацци приходит к пониманию исторического развития человеческой природы. Ценности в этом случае — не абстрактные сущности, а часть образа человека. Согласно философу, они становятся тогда конститутивными признаками, а это значит, что “человек поступал бы разумно, если бы вел себя в соответствии с ними” [там же, с. 281].

Свою концепцию этики технонауки Э. Агацци развил в работах последнего десятилетия. Он исследовал связь между возникновением этики технонауки и тем гносеологическим и методологическим поворотом [7] в философии, начало которому было положено кантовской критикой метафизики и который был продолжен в первой половине XX века логическим эмпиризмом, а во второй половине XX века получил неожиданную поддержку в постпозитивизме и социокультурном повороте в эпистемологии науки. Акцент философского интереса переместился из онтологической проблематики в гносеологическую, а затем — в историко-социологическую и аксиологическую [3]. Социологический поворот в философии науки изменил привычные представления о критериях истинности и объективности научного познания и открыл возможность изучать науку как вид человеческой деятельности, причем “сложной, расчлененной коллективной деятельности научного сообщества” [там же, с. 46].

Возникшее в результате осознания социальной обусловленности научной деятельности недоверие к когнитивной проблематичности науки не должно, по мнению Э. Агацци, умалить объективность научного знания. Предложенное им решение находится в русле его концепции разграничения науки как знания и как действия: эпистемология науки с ее объектом — знанием — должна быть дополнена аксиологией науки, изучающей научное познание как деятельность. Сложность проблемы в том, что “как только мы начнем рассматривать научную деятельность, и особенно деятельность технонауки, мы должны будем признать, что способы их реализации, их условия, мотивы, последствия релевантны многим аспектам человеческой

жизни, ориентирующимся на многие *некогнитивные* ценности” [там же, с. 50]. Первая трудность переосмысления философии науки сегодня состоит именно в том, чтобы понять, что наука — сложная реальность, несводимая только к когнитивному измерению. Но за ней следует вторая трудность: сделать понятие науки как знания совместимым со всеми зависимостями, которые возникают из ее социального контекста.

По Агацци, результаты социологии науки могут рассматриваться как достижения в эпистемологии науки, только если они не ведут к отказу от фундаментальных характеристик науки, то есть объективности и строгости [5, с. 66].

В этой пограничной ситуации может быть выделена сфера аксиологии и этики науки как специальной дисциплины, изучающей вопросы целей, ценностей и ответственности науки — проблемы, которые, как пишет Агацци, не могут быть отданы на откуп специалистам по этике.

Философ специально обосновывает право на существование этического измерения науки внутри самой науки [4]. Веберовское понятие науки как знания, свободного от ценностей, устарело, считает Э. Агацци. Вернее, веберовские требования сохраняют свое значение применительно к науке как знанию. Но «научное знание — не “вещь”, подобная явлению природы, а продукт сложной человеческой деятельности» [там же, с. 95]. А человеческие действия, из которых состоит занятие наукой, никогда не могут быть морально нейтральными. Как именно может осуществляться нравственная оценка науки в новом смысле этого слова — не извне, когда оцениваются последствия ее применения, а изнутри?

Ответ Агацци высвечивает то новое, что он привносит по сравнению с веберовским пониманием познавательных действий. М. Вебер разграничивал целерациональные и ценностно рациональные действия: первые характеризуются ценностной нейтральностью. Для Агацци нравственная оценка науки зависит от рассмотрения целей науки. Исследованию с точки зрения моральной приемлемости должны быть подвергнуты не субъективные намерения ученых, а объективные, имманентные цели их действий или деятельности.

В еще большей степени необходимо обосновывать моральную законность применяемых учеными средств. “Это стало очевидным, когда экспериментальное исследование человека неизбежно привело к манипулированию людьми (парадигматическим случаем этого явились медицинские исследования), — пишет Агацци. — В настоящее время широко обсуждаются эксперименты с человеческими эмбрионами и генетические мероприятия с чисто исследовательскими целями, которые интересно рассмотреть здесь, поскольку они показывают, что нравственные проблемы могут возникать в чистой науке, порождая ограничения ее свободы, несмотря на нравственную безупречность ее цели. Нетрудно признать, что эти соображе-

ния относительно этической релевантности средств чистой науки могут быть без всяких изменений перенесены и на прикладную науку” [там же, с. 98].

Наряду с целями и средствами в предмет аксиологии и этики науки как философско-научной дисциплины, эмансипированной от собственно этики, входят также условия научной деятельности и оценка вероятных последствий тех или иных научных действий, включая *непреднамеренные*. В последнем случае так же, как и в случае со средствами, анализу подлежат не намерения ученых, а конкретные результаты их действий, ибо “цель не оправдывает последствия”.

Агацци утверждает, что соблюдение этических норм применительно к реальным человеческим действиям сегодня требует учета результатов ряда наук, особенно наук о человеке, от биологии до генетики, нейробиологии, психологии и социологии. Аксиология и этика науки должны включать регулятивно-прикладную сферу, где исследование возможных рисков переходит в регулирование научной деятельности в целях минимизации рисков. Основным инструментом регуляции могут служить внутринаучные этические кодексы. Опасения, которые часто приходится слышать, будто регулирование научной деятельности стеснит свободу поиска, не имеют оснований, считает Агацци. Все дело в том, как организовано регулирование. Оно должно характеризоваться разумной гибкостью: была бы уместна некоторая степень правового регулирования, в то время как соблюдение более гибких норм должно контролироваться механизмами, предписываемыми обычно деонтологическими нормами различных профессий [там же, с. 104].

Обоснование Агацци самостоятельного статуса аксиологии и этики науки в рамках философии науки в целом близко тому пониманию философии “как экспертизы”, которое развивается сегодня в секторе гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН. В современном “обществе знаний” “инженерия знаний” должна соответствовать “идее высокого уровня человеческой экспертизы” [6, с. 14]. Агацци считает, что системы, основанные на знаниях, технологически включают в процесс принятия решений экспертные системы. Иначе вовсе нельзя говорить о достоверности получаемых знаний, об учете при этом всех существенных аспектов.

В систему технауки, по Агацци, следует включить “бесполезные” с чисто прагматической точки зрения знания о ценностях. Ранее, когда наука отождествлялась с моделью естественных наук, подобное было невозможным. Но благодаря интенсивным исследованиям социальной обусловленности науки само общее понятие науки оказалось переформулированным [5, с. 58]. Наибольшие заслуги в этом, по мнению Агацци, принадлежат западному марксизму и концепции Томаса Куна. Справедливости ради, нужно отметить, что наша философия

и социология науки 1960–1980-х годов, которая развивалась параллельно методологическому движению Т. Куна, внесла в переосмысление сущности, функционирования и развития науки вклад куда больший, чем франкфуртцы или французские “новые левые”. Агацци, в отличие от многих своих коллег на Западе, это знает.

Э. Агацци поддерживает контакты с сотрудниками Института философии РАН и, в частности, с сектором гуманитарных экспертиз и биоэтики. Свидетельством тому стала статья о гуманистической ценности науки, присланная им в сборник по итогам Чтений памяти академика И.Т. Фролова.

Агацци напоминает в этой статье, что наука возникла и развивалась как выражение гуманистических устремлений человека и человечества, но когда научные достижения были использованы в технологиях, поставивших человечество на грань выживания, наука оказалась в ситуации морального кризиса. Интересы войны, власти и прибыли, а подчас прямое манипулирование истиной, скомпрометировали деятельность ученых. Агацци считает насущной задачей “восстановить подлинный смысл гуманистической ценности науки” [8, с. 63]. Для этого должны произойти определенные изменения в системе ценностей, которая регулирует научную деятельность. Прежде всего, речь идет о фетишизации нового, пусть незначительного результата, который сопровождается недооценкой “уже известного”, а, стало быть, слабой постановкой синтетических задач, задач, которые не могут решаться без обращения к философским вопросам науки. Агацци говорит о необходимости “расширения профессионального мировоззрения” ученых. В основе подобного “расширения” — магистральная идея Агацци о том, что наука есть не только система знания, но и разновидность человеческой деятельности, включающая самые различные аспекты.

В этой связи ученый обратился к проблемам свободы и ответственности в науке. Необходимо нивелировать возможные опасные последствия научно-технической деятельности. Ни у кого не вызывает сомнения необходимость общественного контроля над наукой. Но общественный контроль на практике часто превращается в политический. Кроме того, возникает проблема компетентности тех, кто берет на себя функции контроля. Контроль над наукой может обернуться своей противоположностью: стремясь повысить социальную ответственность науки, мы влияем на постановку учеными целей их исследований. Пути решения обозначенных проблем Агацци видит в сочетании максимальной свободы научного поиска с полной ответственностью ученых за свои действия. Ученый, будучи сам членом общества, сможет примирить интересы общества с потребностями научного творчества.

Анализ философско-этических идей и поисков Э. Агацци показывает, что в его работах затронуты ключевые проблемы

социальной эпистемологии и этики науки. Основные темы его размышлений близки к вопросам, которые обсуждаются в нашей философии, в частности в секторе гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН (биоэтика, гуманитарная экспертиза, проблема добросовестности в исследованиях). В созданном и руководимом Э. Агацци журнале *Bioethics Update* в редколлегию входят П.Д. Тищенко и Б.Г. Юдин. Кроме того, по приглашению Э. Агацци Б.Г. Юдин участвовал в 2014 году в международной конференции, посвященной юбилею ученого и в книге, выпущенной по итогам этой конференции, опубликовал статью [13].

Э. Агацци обосновал необходимость выработки внутренних регулятивов научной деятельности как способов соотнесения целей научной деятельности с ее возможными социальными последствиями и общественными рисками, превращения ответственности ученых в необходимый морально-этический дискурс.

Литература

1. Агацци Э. Человек как предмет философского познания // О человеческом в человеке. М.: Политиздат, 1991.
2. Агацци Э. Моральное измерение науки и техники. М.: Моск. филос. фонд, 1998.
3. Агацци Э. Переосмысление философии науки сегодня // Вопр. философии. 2009. № 1.
4. Агацци Э. Почему у науки есть и этические измерения? // Вопр. философии. 2009. № 10.
5. Агацци Э. Эпистемология и социальное: петля обратной связи // Вопр. философии. 2010. № 7.
6. Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопр. философии. 2012. № 10.
7. Агацци Э. Методологический поворот в философии // Вопр. философии. 2014. № 9.
8. Агацци Э. Гуманистическая ценность науки: вчера и сегодня // Новое в науках о человеке. М.: ЛЕНАНД, 2015.
9. Лэйси Х. Свободна ли наука от ценностей? М.: Логос, 2008.
10. Мамчур Е.А. Наука и этика // Этика науки. М.: ИФРАН, 2007.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 510.
12. Фролов И.Т. О человеке и гуманизме. М.: Политиздат, 1989.
13. Ethical Reflections on Science and Technology / Science between Scientific and Philosophical Debate / Alai M., Buzzoni M., Tarozzi G. (Eds.). Springer, 2015.